

предмету исследования, не позволяющее вовремя отразить проблемные методологические, а значит, и исследовательские особенности поля, а также политизация, затрудняющая научную разработку поля в академическом ключе.

Шилкина М.В.¹

Православные братства Русской православной церкви как церковный и социальный проект

Когда мы говорим о Русской православной церкви, мы имеем в виду, во-первых, Московский патриархат, исторически и канонически преемственный Православной греко-российской церкви², и во-вторых, не только «клир и приходской «актив»»³ или «клир и монашество»⁴, но и всех членов церкви, которые, именно так себя осознают, имеют общение с другими членами РПЦ в таинствах (прежде всего, крещение, покаяние, евхаристия). В целях нашего исследования этих двух критериев достаточно, хотя понятие современных границ церкви и конкретно Русской православной церкви требует глубокого исследования, не только экклезиологического и исторического, но и социологического.

Проблема заключается в том, что понятие церкви как юридического лица, зарегистрированного государством, не будет совпадать с реальностью церковной жизни, т.к. для государства достаточно 10 человек при регистрации любой религиозной организации, согласившихся дать свои паспортные данные для включения в список учредителей. Но если социолог хочет изучать не юридическую, а социальную реальность, существующую «здесь и сейчас», то он должен будет учитывать, что в церковном самосознании существуют границы **канонические** (определяемые связью с правящим епископом и проявляющиеся, например, в поминании его на сугубой ектенье в церковном собрании); **мистерияльные** (участие в таинствах: крещении, покаянии и евхаристии, обязательных для каждого члена церкви, а также заключении брака, поставлении на служение церкви или так называемом рукоположении, соборовании и других – возможных для части членов церкви) и **духовно-мистические** (единство веры, единство молитвенной жизни, единство духовного опыта, в том числе, исторического духовного опыта). Все эти виды границ имеют вполне реальное внешнее воплощение, которое может быть, замечено, а

¹ *Шилкина Маргарита Васильевна* [mvshilkina@gmail.com] – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета религиоведения и заведующая кафедрой религиоведения Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва, Россия) – *прим. ред.*

² Ведущей в свою очередь, историю от Киевской митрополии Константинопольского патриархата. Споры о каноничности РПЦ после принятия декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927 года и второго восстановления патриаршества 1943 года мы оставляем историкам.

³ *Игнатъев А.А.* Церковь и ее публика: пересекая границу // Режим доступа <http://sociologyofreligion.ru/topic/3150-sem-tezisev-aa-ignateva-o-tcerkvi/>

⁴ *Смирнов М.Ю.* Религиозная социология и социология религии: соотношение и взаимоотношения // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 141.

значит изучено историками и социологами. Совпадение этих границ для церкви в целом и для каждого ее члена всегда лишь частично и мобильно, т.е. постоянно изменяемо. Конфигурация пересечения этих границ и дает различную глубину воцерковления (или различную полноту членства в церкви) опять же как динамичную, меняющуюся в течение всей церковной жизни, величину, что непосредственно влияет на различную «степень мотивации православными воззрениями социального поведения, отношения к политике, гражданским обязанностям, экономическим вопросам, светской культуре»⁵. Наиболее полное совпадение церковных границ в каком-либо церковном собрании означает наиболее полное выявление церковной реальности и осуществляется в православных братствах и общинах.

Все более заметным феноменом возрождающейся православной жизни России становятся внеприходские православные братства. Они выступают формой новой институционализации церкви, не требуют разрушения традиционной церковной структуры, но сосуществуют с нею и берут на себя те ее функции, с которыми официальная поместно-приходская структура РПЦ не справляется. Для членов таких братств их выбор жизненной стратегии, мировоззрение, поведение в социальной жизни наиболее мотивированы ценностями и убеждениями их веры по сравнению с членами приходов.

Существенная разница во внешних и внутренних сторонах жизни большинства приходов, с одной стороны, и внеприходского или межприходского братства,⁶ с другой, позволяет говорить о том, что исследование этих двух реальностей может означать исследование двух разных сторон реальности православия. Во-первых, **православия как возрождающейся традиционной этнокультурной формы жизни**, которая решает определенные социально-психологические, социально-политические и культурные задачи, используя для этого религиозную форму. В силу массовости именно такого его понимания в обществе и в государстве, православие может стать (и на наш взгляд, уже становится) одним из оснований для рождения гражданской религии в России. Здесь мы встречаемся с интересным и сложным феноменом. Классическое зарождение *civil religion* происходило в результате процессов секуляризации традиционных религий и сакрализации государственных, национальных и других символов и ритуалов. В современном же российском обществе мы встречаемся с противоречивыми тенденциями: возрождением общественного статуса Русской православной церкви при внутреннем давлении государства, которое определяет не только формы, цели и границы такого возрождения, но и вмешивается во внутреннюю жизнь церкви, пытаясь контролиро-

⁵ См. *Смирнов М.Ю.* Религиозная социология и социология религии: соотношение и взаимоотношения // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 141.

⁶ См. *Шилкина М.В.* Методологические основы изучения православных братств как формы организации церковной жизни: опыт XX – начала XXI века // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19 – 21 октября 2016 года) [Электронный ресурс] Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов. 2016. – 106096 с. – (DVD ROM). С. 4910 – 4916.

вать, а в лучшем случае, просто не допускать зарождения в ней свободных от административного контроля форм жизни.

А с другой стороны, мы видим противоречивые процессы внутри самой церкви, где, не смотря на укрепление вертикали иерархической власти епископов, все большее ограничение возможностей не только мирян, но и пресвитеров в реализации основных церковных служений: богослужения, проповеди, миссии, катехизации, рождения приходских общин и т.п., тем не менее, возрастает число живых общин и братств, зарождаются новые внеструктурные формы церковного общения.

А во-вторых, **православия как собственно церковной (религиозной) реальности веры и жизни по вере.** Применительно к религиозной реальности П. Бергер и Т. Лукман утверждали, что мы можем понимать ее и как религиозные институты, и как процессы, посредством которых повседневный мир наделяется определенным религиозным смыслом. В «Социальном конструировании реальности»,⁷ они утверждали, что религия имеет фундаментальное значение для создания и поддержания социальной реальности.⁸ В полной мере это можно сказать именно о внеприходских братствах.

Вступают ли эти две реальности в противоречие? Безусловно. Но они и поддерживают друг друга, что не столь очевидно с первого взгляда. И общество, и церковь должны быть заинтересованы в изучении динамики их взаимодействия. Как и в признании самостоятельной ценности каждой из этих сторон православия, чего на сегодняшний день не происходит.

Какова познавательная ценность такого изучения? Что может являться целью и основной проблемой исследования? На наш взгляд, можно говорить о трех группах социально значимых проблем в изучении реальности двух названных сторон православия и внутри них – православных братств.

Во-первых, и общество, и церковь в современном индивидуализированном мире ищут источники укрепления церковной соборности и общественной солидарности. Но делают они это вне всякой связи друг с другом. Опыт, накопленный каждой из сторон, не востребован и не служит ни церковному, ни общественному возрождению. В России, пережившей в XX веке катастрофу разрушения всех традиционных социальных, национальных, семейных, культурных, духовных, церковных и личностных связей, восстановление их могло бы опираться как на исторический опыт единой жизни народа, в которой церковь воспринималась как естественная ее часть от политической до бытовой (в национальных регионах наряду с церковью такую роль могли играть исламские, буддийские и другие религиозные организации), так и на новые формы жизни, зарождающиеся в обществе и в церкви сегодня, и в первую очередь, – волонтерские движения и внеприходские православные братства.

⁷ Berger, P.L., Luckmann, T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. 1966. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

⁸ Эти взгляды на религию развивались в работах П. Бергера «Священный покров» (Berger, 1967) и Т. Лукмана «Невидимая религия» (Luckmann, 1967).

Во-вторых, это проблема, которую поставил еще С.Н. Булгаков, – проблема «общественности и церковности»⁹. Секуляризованное общество, освободившись от религиозной опеки, теряет не только внешнюю религиозность, навязанную, как ему кажется, государством, не только религиозную обрядность и религиозный символизм, переставший нести какой-либо внутренний смысл, но и трансцендентные ориентиры, что становится разрушительным для самого социального организма. Эту мысль С. Булгакова особо выделяет М.Ю. Смирнов, подчеркивая, что, по мнению Булгакова, «сохранить духовную основу общества призвано устройство новой церковности – не отягощенной грузом мирских интересов и потому независимой, вносящей в многообразие социальной жизни целостность религиозного опыта. Результатом усилий такой церковности будет <...> новая общественность, формирующаяся из людей, живущих в единстве религиозной мотивации и социальной ответственности»¹⁰. На наш взгляд, примером такой новой церковности являются современные православные внеприходские братства.

И в-третьих, изучение православия как традиционной этнокультурной формы жизни и как церковной реальности жизни по вере, взаимного противоречивого влияния этих сторон друг на друга позволит различать процессы возникновения гражданской религии с опорой на традиционную религиозность и процессы сакрализации политических институтов. А различение это необходимо для понимания природы нарастающей связи религии и политики.

В какой церковной и социальной «системе координат» зарождались православные братства? Какие факторы определяли причины и цели их возникновения, характер деятельности, результаты влияния на общество и на церковь? История Русской православной церкви знает несколько исторических периодов быстрого роста братств и заметного проявления их деятельности. Это XV–XVI, XIX, XX век (период советской власти и гонений на церковь) и конец XX – начало XXI века. Отдельный интересный вопрос, можно ли говорить о преемственности этих братств, восприятию предыдущего опыта в качестве образца. Но его можно оставить пока историкам. А мы только укажем особенности каждого из типов братств, связанные с ролью государства и положением братства в обществе.

В XV–XVI веке братства возникают в Киевской митрополии¹¹ по инициативе мирян, для осуществления церковной реформы, не поддерживаемые ни церковной иерархией (в братствах видела угрозу своей бесконтрольной власти), ни большинством церковного народа (в силу равнодушия), ни государственной властью Речи Посполитой (по причине конфессиональных разногласий и незаинтересованности в укреплении православной церкви), ни московскими князьями (из-за дальности расстояния и политических соображений). В них впервые проявились

⁹ См. *Булгаков С.Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика. 1994. 415 с.

¹⁰ *Смирнов М.Ю.* Религиозная социология и социология религии: соотношение и взаимоотношения // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 138.

¹¹ См. *Лукашова С.С.* Миряне и Церковь: Религиозные братства Киевской митрополии в конце XVI в. М.: Институт славяноведения. 2006.

обе стороны православной реальности: с одной стороны, возвращение церковному собранию характера свободной собранности вокруг целей и ценностей своей веры людей, каждый из которых принимал на себя ответственность за все собрание и его деятельность, а с другой стороны – решение социально-политических, культурных и национальных задач, связанных с укреплением православной церкви в польском католическом окружении.

У государства интерес к самому явлению братств возникает в конце 60-х годов XIX века. В 1864 году Синодом были утверждены «Основные правила для учреждения православных церковных братств». С этого момента в России начинает появляться множество православных братств, к 1914 году их насчитывалось более семисот – просветительских, благотворительных, трезвеннических и прочих организаций, созданных при монастырях, епархиях, приходах, именовавших себя братствами. Большинство из них решали церковными средствами государственные задачи: рост и укрепление православных приходов на вновь присоединенных к России землях на юге и на западе, а также в регионах с большим количеством инославных (раскольников и сектантов по государственной терминологии) и иноверных. Православие в глазах государства выступало как критерий легальности императорской власти.

Начало XX века ознаменовалось появлением братств нового типа. В условиях гонений советской власти на церковь, разрушения системы церковного управления, появления множества расколов и больших трудностей получения на местах какой-либо информации от церковного руководства, Патриарха и своего епископа, верующие люди начали объединяться в общины и братства, которые существовали вначале открыто, но уже с конца 1920-х годов, как правило, подпольно и образовали потаенную и катакомбную церкви.¹² Все они для государства того времени являлись антигосударственными и антиобщественными формированиями, подлежащими уничтожению. Для Русской православной церкви они в большинстве своем стали теми объединениями, в которых сохранялась вера, возрождались ее свободные формы выражения, воспитывалась молодежь и дети, развивались миссия, духовное просвещение. Большое количество новомучеников и исповедников церкви русской вышли из общин и братств. Для общества эта сторона жизни Русской церкви в основном неизвестна до сих пор.

В конце XX и начале XXI века стали возникать и развиваться православные братства трех типов:

- 1) благотворительные организации, сестричества православных медсестер при больницах, формируемые епархиями и приходами (вос-

¹² Потаенной церковью мы называем подпольные общины и братства, поддерживающие в возможных формах (иногда скрытно) связь с епископом и Патриархом, впоследствии – его местоблюстителем. Никакой целостной структуры, параллельной легальной церкви, они не создавали. Катакомбной церковью – аналогичные подпольные общины и братства, ушедшие в раскол и разорвавшие евхаристическое и каноническое общение с заместителем местоблюстителя патриаршего престола митр. Сергием (Страгородским) и его преемниками. Вскоре у них возникла своя структура и своя система управления.

- приняв идею и образ братств XIX века, решающих государственные задачи);
- 2) политизированные организации фундаменталистского толка, создаваемые иногда с благословения церковной иерархии, но иногда без него вплоть до противостояния официальной позиции церковного руководства (внешне опирающиеся на искаженное восприятие образа братств XVI века, а по своей природе гораздо ближе находящиеся к обновленческой церкви 1920-х годов);
 - 3) духовные союзы, созданные вне приходской структуры, но поддерживающие с ней связь через таинства, основанные на добровольном единстве жизни их участников ради воплощения идеалов и ценностей веры как в церковном служении, так и в своей общественной и семейной жизни (частичное продолжение традиций братств начала XX века). В этих братствах идет интенсивный процесс воцерковления человека и одновременно процесс возрастания гражданственности, солидарности с другими членами общества.

Возможный критерий для определения братств третьего типа среди разнообразных религиозных и общественных сообществ предложила Ирина Гордеева на основании понятий *Gemeinschaft und Gesellschaft*, введенных немецким социологом Фердинандом Тённисом в своем труде «Общность и общество. Основные понятия чистой социологии».¹³ Общинность (*Gemeinschaft*) характеризуется личностными отношениями «лицом к лицу», стремлением к социальной справедливости, равенству в повседневной жизни, внутренним единством; община рассматривается как источник высших моральных ценностей: добра, любви, чести, верности, дружбы. Для отношений общественного типа (*Gesellschaft*) деятельность ограничена совокупностью целей и средств их достижения; люди разделены и отчуждены. Ирина Гордеева считает, что для братств характерны отношения первого типа (общинности).¹⁴

С учетом всего сказанного, можно предположить, что церковная реальность православных внеприходских братств наиболее близка к социальной реальности волонтерских движений. Оба явления – основные звенья зарождающегося гражданского общества. Они быстрее находят общий язык друг с другом, могут взаимодействовать в решении социально значимых задач.

¹³ Фердинанд Тённис. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. Перевод с немецкого Д. В. Сняднеево. СПб.: Издательство «Владимир Даль». 2002.

¹⁴ Братства: традиционное и новое // Режим доступа <https://sfi.ru/sfi-today/article/bratstva-traditsionnoie-i-novoie.html> (18 апреля 2017)